

DOI 10.18522/2415-8852-2023-4-116-137

УДК УДК: 821.161“1760/1796”
УДК: 93/94 + 821.161“1760/1796”

**ПОРЯДОЧНОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ОДНОГО К ДРУГОМУ ОТНОШЕНИЕ:
РЕЛЯЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА И МОДЕЛИРОВАНИЕ
МОРАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В ПИСЬМЕННОМ НАСЛЕДИИ
ВЛАДИМИРА ЗОЛОТНИЦКОГО**

Анна Алексеевна Агапова

аспирант Школы исторических наук Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

e-mail: aagapova@hse.ru

ORCID: 0000-0002-7683-383X

Аннотация. Биография Владимира Трофимовича Золотницкого (1743–1799) рассматривается как пример гибридной карьерной стратегии, успешно реализованной пишущим человеком на государственной службе в екатерининскую эпоху. Золотницкий характеризуется в специфике его биографической и культурной принадлежности к культурному типу литератора (фр. l'homme de lettres) – человека, который добивается известности на литературном поприще и использует искусство письма в качестве «социального лифта» на стадии, когда современный институт литературы еще только формируется. В литераторе века Просвещения автор видит одно из конкретно-исторических воплощений письменной личности. В письменных занятиях Золотницкого и других литераторов эпохи – их динамике, адресации, приурочивании, выборе жанров и тем, обнародовании, признании, конвертации в репутацию – в XVIII в. особую роль играют отношения с влиятельным покровителем. В биографии Золотницкого обнаруживается не только связь между публикацией очередного литературного опуса с посвящением покровителю и продвижением чиновника-литератора по служебной лестнице, но и наличие эмансипированных письменных высказываний автора на философские и психологические темы. Перу Золотницкого принадлежат около 20 сочинений и переводов, объединенных темой воспитания индивида и моделирования морального субъекта в соответствии с обязанностями (должностями) подданного и гражданина. Особое внимание уделяется последнему прижизненному сочинению Золотницкого в жанре моральной педагогики, где автор аккумулирует свой литературный опыт, сообщает читателю принципы организации его «я» как субъекта отношений и окончательно выводит работу письма за рамки построения карьеры.

Ключевые слова: В.Т. Золотницкий, биография, литератор, письмо, должность, отношение, реляционная педагогика, моральный субъект, личность, век Просвещения

В 1796 г. завершились литературная и административная карьеры Владимира Трофимовича Золотницкого: он опубликовал «Наставление сыну» и в чине статского советника ушел в отставку [РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 73, Л. 465; Заруба: 161]. «Наставление» наследует традиции моральных кодексов и всяческого рода «зерцал», сыгравших заметную роль в формировании и моделировании новоевропейского субъекта¹. От них оно отличается не только интимным характером и адресным обращением отца к сыну, но и смещением фокуса от этикетных предписаний, в процессе цивилизации регулирующих поведение и устанавливающих контроль над аффектами, к архитектуре персонализации. С помощью категории *отношение* Золотницкий-старший моделирует «я» сына, приводя его мысли, чувства, действия в согласие с христианской моралью и политическим порядком России XVIII в., а также приводит в действие аппараты интегральной педагогики: «Я внушил тебе, сын мой! пра-

вила, образующие тебя во всех твоих отношениях» [Золотницкий, 1796: 40]. Последнее сочинение Золотницкого содержит серию отсылок к ранним произведениям автора, что превращает этот текст в сумму письменного опыта и путеводитель по его литературным мирам.

Говоря о специфике письменного сознания, В.А. Шкуратов указывал на ключевую психокультурную функцию письменности – медиацию [Шкуратов: 389], посредничество и обеспечение связности. Из этой перспективы и категория *отношение*, которую Золотницкий выводит после серии преобразований из «должности», обеспечивая, тем самым, новое качество связности политического порядка со строем души и надежную опору для своей моральной педагогики, и «Наставление» в целом выглядят значимым итогом многолетних письменных занятий одного из первых русских писателей. Над этим текстом мы будем размышлять о становлении в России *высокописьменного* сословия в просве-

¹ Этот процесс трансформации норм поведения, активизировавшийся на переходе от Средневековья к Новому времени, от куртуазной культуры к культуре *civilité* при дворах европейских монархий XVII–XVIII вв. Элиас описал как «процесс цивилизации». Если в Средние века вопросы подобающего поведения лишены «психологических оттенков» и касаются сферы телесного (физических отправления, аффектов), то уже в начале XVI в. диапазон светского этикета охватывает психологическое состояние индивида как еще одну инстанцию (само)контроля. Наблюдение за поведением, эмоциональным состоянием, внешним видом и речью мыслится как способность и обязанность цивилизованного человека [Элиас 2001a: 140]. Расширение спектра поведенческих правил Элиас связывает с усложнением социальной иерархии, дифференциацией общественных функций и умножением числа взаимозависимостей, что требует более тонкой настройки индивида [Элиас 2001b: 240–251].

щенный век; о письменных опытах, которые поддерживают биографический каркас жизни автора; наконец, о реляционной педагогике Золотницкого, эскиз которой он составил на излете личной истории письма.

L'homme de lettres в России

«Мы уже теперь в таком просвещенном веке живем, в котором всяк по способности своей трудится в издании своих переводов или сочинений» [Золотницкий 1766: V], – писал Золотницкий в 1766 г. в предисловии к сборнику рассуждений, посвященному П.И. Панину, своему покровителю на государственной службе. За 35 лет с 1761 по 1796 гг. автор в качестве литератора опубликовал порядка 20 сочинений и переводов, а в качестве депутата Уложенной комиссии составил проект системы образования в 1768–1769 гг. Энциклопедический характер этих письменных занятий З.И. Аскоченский определяет через перечисление: «В одно и то же время он желал быть и философом, и естествоиспытателем, и баснописцем, и лириком» [Аскоченский: 199]. Общим знаменателем жанрового и эпистемического разнообразия выступают письменные занятия. Не будет преувеличением сказать, что Золотницкий был продуктом, создателем и обитателем культуры письменного слова.

Культурное амплуа *homme de lettres* оформляется во Франции в XVI–XVII вв. – там, где человек письменных занятий существовал

в качестве клиента при патроне, тем самым, обеспечивая себе финансовую стабильность и признание своих трудов читающей публикой [Nicolet: 383]. Но уже в XVIII в. *литератор*, подобно энциклопедисту производящий высказывание с культурной дистанции и обеспечивающий связность социального мира через новый тип описания, обретает относительную автономию, статус независимого критика и выразителя общественного мнения [Chartier: 162].

Ситуация Золотницкого ближе к исходному положению французского литератора: его дебют в роли автора состоялся под покровительством вельможи и был едва ли отделен от начала карьеры чиновника в 1760-е гг., когда создавались девять основных произведений с посвящением высоким патронам – от Екатерины II, Н.И. и П.И. Паниных, А.К. Разумовского, Б.А. Куракина до Павла Петровича.

Посвящение, известное с античных времен как панегирик, выражало намерения автора относительно адресата(ов) и было способом установления особого рода взаимосвязи с ними. Так, Золотницкий отмечал наличие «призрения» к нему со стороны Паниных и выражал надежду на благосклонность к нему юного Разумовского. К концу XVIII столетия посвящения в российских изданиях становятся все более интимными, сведения о взаимоотношениях адресата с автором – все более скупыми, а сочинения все чаще посвящают людям из ближнего круга [Кочеткова: 83].

Генезис института литературы в России, как полагает К.А. Осповат, был связан с придворным обществом читателей, определявших актуальность и ценность того или иного текста. Потребность монарха и его окружения в сочинениях и переводах, сформированная в век Просвещения, была обусловлена, с одной стороны, необходимостью трансляции и закреплением в слове действующего политического порядка, с другой – все возрастающим значением культурного капитала [Осповат 2020: 70]. А потому с середины XVIII в. занятия словесностью используются начинающими движение по служебной лестнице, для привлечения внимания и снискания покровительства вышестоящих лиц [Живов: 25; Штранге: 77; Raeff: 86; Gleason: 61; 103-121]. Так, об успехе Золотницкого как литератора-клиента и его навыков письма сообщал один из его корреспондентов, епископ белгородский Самуил, в письме игумену Иакову от 1769 г.: «Его рука очень сильна. Он у Паниных имеет великую доверенность» [IP НБУ].

В Российской империи формирование сообщества писателей, развитие литературного языка и расширение системы жанров приходится на период культурного трансфера европейского опыта. В 1740-х гг. небольшая группа литераторов, пребывая под патронатом, ведет конкуренцию за экспертную позицию в вопросах языковой политики и формирование нормативной базы рус-

ского языка: в частности, речь идет о создании русской риторики и теории «штилей» М.В. Ломоносовым и его критике А.П. Сумароковым. Тогда как в правление Екатерины II институт покровительства достигает своего пика, происходит эмансипация литератора и формирование культурной ниши для независимого публичного высказывания [Ransel: 55]. Политические репрессии в отношении Н.И. Новикова и А.Н. Радищева в этом свете следует рассматривать как реакцию на их попытки оспорить символическую монополию монарха и его гегемонию на производство значения ключевых общественных проблем.

Уже к концу 1760-х – началу 1770-х гг. число литераторов, пишущих на русском языке, достигло уровня, достаточного для того, чтобы современники заговорили о появлении новой социальной общности, возникшей на основе письменных занятий. Сперва предположительно И.А. Дмитриевский публикует в 1768 г. «Известие о некоторых русских писателях» в лейпцигском журнале *Neue Bibliothek der Schonen Wissenschaften und der freien Künste* [Динерштейн: 33–50], где упоминает о 42 литераторах и немецких переводах их произведений [Динерштейн: 50]. А всего через четыре года Н.И. Новиков издает в Санкт-Петербурге «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772), с разной степенью подробности излагая биографии уже 315 лиц. Социальный

состав списка Новикова был разнообразным, но большинство было выходцами из недворянских сословий и лишь не более пятидесяти литераторов принадлежало к дворянству и высшему духовенству [Лепехин: 236]. Среди сочинителей и переводчиков, число которых росло, был и сын киевского священника Владимир Золотницкий.

Включение Золотницкого в биографический словарь писателей было актом признания, подтверждающим его причастность к корпорации слова. При этом аттестация Новикова не совпадала с мнением двора о литераторах, дополняя символическую иерархию сочинителей, производимую в рамках системы патроната, а где-то и полемизируя с нею [Калугин: 170]. Так, в словарной статье о Золотницком Новиков воздержался и от изложения его биографии, и от оценки литературных талантов, ограничившись указанием текущего чина, перечнем публикаций и замечанием, что произведения автора «похваляются довольно» [Новиков: 68]. Все это является косвенным свидетельством того, что в перспективе, заявленной Новиковым, Золотницкий как будто уступает ряду литераторов, упомянутых в словаре (например, своему сокурснику по Московскому университету Д.С. Аничкову, чью диссертацию запретила цензура). И все же, как мы покажем ниже, сочинения и переводы будут играть важную роль в жизни и построении карьеры Золотницкого.

Жизнь в письме

Биографические сведения о В.Т. Золотницком содержатся в формулярном списке 1791 г. Этот канцелярский жанр в XVIII–XIX вв. задавал архитектуру письменной личности всякого государственного служащего. А его структурные элементы и способы биографической сборки жизненного пути, прочитываемого как цепь продвижений по службе, чинов и должностей, отличий и порицаний, имущества и состава семьи, в дальнейшем воспроизводились в мемуарах и биографиях российского чиновничества. Сопоставление информации из формулярного списка со словарными статьями и списком публикаций Золотницкого позволяет прояснить степень синхронизации активности литератора с получением должностей.

Известно, что Владимир Трофимович Слодницкий родился в 1743 г. [РГАДА. Ф.286. Оп.1, Д.732: 452] в семье священника церкви Покрова Пресвятой Богородицы, в селе Ярославка Киевской губернии [Дзюба: 53–54].

Выучив на дому русскую и латинскую грамоту [Аскоченский: 199], около 1753 г. он поступил в Киево-Могилянскую академию, где окончил семь из восьми классов и прослушал первый год двухлетнего курса по философии. Здесь необходимо отметить, что с 1632 г. в Академии слушатели получали как духовное, так и светское образование, изучали современные и древние языки, приобретали философскую (в течение двух лет) или

богословскую (в течение четырех лет) специализацию. С середины 1750-х гг. курс философии строился на текстах Христиана Вольфа и его последователей, «в ясных дефинициях» толкующих «натуральную богословию» [Акты и документы: 176], что потом найдет отражение в письменном творчестве Владимира. В середине 1750-х гг. возрос отток выпускников Академии в учебные заведения Москвы и Санкт-Петербурга с последующим поступлением на государственную службу [Лукашова: 251]. Этот поток подхватил и отпрыск Трофима Солодницкого.

У выходцев из Малороссии, принадлежащих к духовенству, самому образованному сословию, имелись значительные преимущества при построении светской карьеры. В отличие от брата Александра, ставшего по семейной традиции священником, Владимир Слоницкий избрал иную траекторию и в 1760 г., перебравшись в Москву, был зачислен на философский факультет Московского университета, открытый пятью годами ранее [Императорский Московский университет: 258]. Одновременно он получил должность преподавателя немецкого и латыни в местной гимназии в чине XIV класса по Табели о рангах [РГАДА. Ф.286. Оп.1. Д.732. Л.452]. Судя по дальнейшему порядку чиновничества, студент поступил на военную службу, чем приобрел дворянский статус. Здесь он демонстрирует письменную чувствительность иного рода, русифицируя фамилию и подписы-

вая свои первые переводы в университетских журналах уже как Золотницкий.

Московский университет тех лет, курируемый И.И. Шуваловым, приближенным Елизаветы Петровны, был пространством интенсивных контактов студентов и придворных, будущих просвещенных служащих и их покровителей. Тексты, которые они изучают и переводят, пригодны для оснащения просвещенного правления. Так, в 1760–1762 гг. студенты знакомятся с трактатом Цицерона “De officiis” [Цицерон] и теорией естественного права по материалам Д. Неттелбладта и Винклера, переводят античных авторов и гуманистов, публикуя свои труды в московских журналах [Рак: 152]. Золотницкий тоже дебютирует переводами басен и нравоучительных историй, публикуя их в «Полезном увеселении» М.М. Хераскова и «Собрании лучших сочинений...» И.Г. Рейхеля.

Писательский дебют Золотницкого совпал с началом правления Екатерины II. В год захвата ею власти Золотницкий был определен преподавателем в Сухопутный шляхетский корпус в Санкт-Петербурге, где познакомился с Разумовскими и Паниными, адресатами своих сочинений и будущими покровителями [РГАДА. Ф. 286. Оп.1. Д.732. Л.452; Штранге: 105]. Эти дворянские семьи участвовали в возведении Екатерины на престол, а потому находились в фаворе и обладали значительным политическим влиянием в первые годы ее царствования [Ransel: 168].

Уже в 1763 г. Золотницкий публикует первые опусы, посвященные окружению императрицы и ей самой. Сборник рассуждений и басен «Состояние человеческой жизни, заключенное в некоторых нравоучительных примечаниях, касающихся до натуральных человеческих склонностей» (1763) адресован юному графу А.К. Разумовскому (1748-1822), будущему попечителю Московского университета и Министру народного просвещения. Сборник «Новых нравоучительных басен с прибавлением особых к ним изъяснений» посвящен Н.И. Панину – ему Золотницкий поручил себя в «особливое покровительство», о чем не преминул сообщить в предисловии. В «особливых изъяснениях», которые современники сочли «излишне длинными», автор комментирует действующее общественное устройство, используя басни в качестве иллюстраций и аналогий [Филарет: 348]. Если комментарию Золотницкого не уступали басням по объему, то в переводе басен Л. Хольберга (1761), подготовленном Д.И. Фонвизиним, пояснения составляют одно-два предложения. В том же году Золотницкий сочиняет оду императрице Екатерине II по случаю ее «пришествия из Москвы в Санкт-Петербург» 28 июня 1763 г. Предположительно, текст мог быть заказан кем-то из Паниных и в числе других преподнесен императрице, как это было с текстом И.Ф. Богдановича [Сахаров: 95]. Создание оды было

актом включения письма Золотницкого в круг «придворной словесности».

Посвящение компендиума «Сокращение естественного права» (повт. изд. 1794) было синхронизировано с назначением Золотницкого в чине подпоручика XIII класса в московскую Камер-коллегию в июне 1764 г. Адресатом текста был президент Камер-коллегии князь Б.А. Куракин, родственник Паниных по материнской линии. Не исключено, что это они рекомендовали ему начинающего чиновника-литератора. В обращении к Куракину автор назвал свой труд *благодарностью* князю за проявленную милость: «Но что ж, разве мне в молчании пребывать, удостоившись столь милостивого Вашего ко мне призрения?». На смерть Куракина, последовавшую в том же году, Золотницкий сочинил панегирик по случаю отпевания, опубликованный вместе с речью архимандрита Константина (Борковского).

Возвращаясь к работе по естественному праву, следует отметить, что в предисловии к тексту компилятор и переводчик отмечает новаторский характер своего труда: «Сие знание еще только в первый раз на Российском языке сообщено свету» [Золотницкий, 1764: IV]. Из этого мы делаем вывод, что автор был участником процесса апроприации естественно-правовой теории, инициированного российским правительством [Естественное право и добродетель: 57–206].

Перевод Золотницкого на должность секретаря в штаб генерал-аншефа П.И. Панина, дяди Куракина, состоялся на следующий год, в июне 1765 г. Новому начальнику и покровителю автор в ближайшие годы посвятит три сочинения. Это сборник «Общество разнородных лиц, или Рассуждение о действиях и нравах человеческих» (1766) и две оды. Первая написана на наступивший 1767 г., а вторая – на пожалование Панина в графы в сентябре 1767 г. В феврале того же года Золотницкий еще дальше продвинулся по службе, вступив в должность обер-аудитора – чиновника по юридическим делам на военной службе.

В эти годы наибольшей литературной активности и интенсивного построения карьеры часть сочинений Золотницкого была опубликована без посвящений. Это «Дух Сенеки, или Изрядные нравоучительные рассуждения сего великого философа» (1765), перевод романа английского писателя Г. Филдинга «Путешествие в другой свет: Остроумная повесть» (1766), «Рассуждение о бессмертии человеческой души» в двух изданиях (1768) и более позднее «Доказательство бессмертия души человеческой...» (1780). Даже самое поверхностное их сопоставление с текстами, имеющими посвящение, позволяет обнаружить существенные жанровые отличия, за которыми просматриваются и режимы чтения, и перспектива использования текста с управленческими целями. Скажем, из круга

эксплицированного патроната исключены работы философского, психологического, теологического плана и крупные литературные формы. Тогда как с посвящениями выходят, окликавая патронов и привлекая их внимание, тексты небольшого объема и назидательного характера, литература в помощь устройтелям общества и панегирики.

К концу 1760-х гг. позиция Золотницкого как автора, занятого литературным трудом и отправляющего служебные обязанности при Паниных, позволила ему выступить с высказыванием, адресованным наследнику престола великому князю Павлу Петровичу и посвятить ему перевод назидательного сочинения датского писателя Л. Хольберга «История разных героинь и других славных жен» в двух частях (1767–1768). Учитывая, что наставником Павла с 1760 г. являлся Н.И. Панин, который комплектовал библиотеку наследника престола [Скоробогатов: 75] и которому ранее Золотницкий посвятил сборник басен, можно допустить, что перевод был выполнен по заказу графа. Здесь литератор не только выступил с предисловием, где изложил принципы политического воспитания монарха, но и сопроводил текст перевода комментариями, сославшись на собственное произведение «Сокращение естественного права». Расширяя свое авторизованное присутствие в тексте, Золотницкий демонстрировал влиятельному читателю свое искусство – ловкое владение теорией в сочетании

с приверженностью политической модели российской монархии, что должно было свидетельствовать о его готовности участвовать в решении задач государственного масштаба.

В мае 1768 г. Золотницкий был избран депутатом в Уложенную комиссию от шляхетства Киевского полка, где участвовал в работе подкомиссий «об училищах и призрения требующих» и «о государственных родах». В рамках деятельности первой, разрабатывающей программу народного просвещения, Золотницкий от своего имени представил проект начального и среднего образования для всех сословий [РГАДА. Ф. 342. Оп.1. Д.255, Л.24-49; Материалы по истории: 150–177, 177–222]. А в комиссии «о государственных родах» высказал замечания по вопросу правового статуса дворянского сословия [РГАДА. Ф.1274. Оп.1. Ч.1. Д.162, Л. 90–161; Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 32: 332–339]. По мере того, как социальный статус Золотницкого повышался, а его официальное письменное высказывание, вписанное в систему государственного управления, становилось все более авторитетным, потребность использовать литературные занятия в качестве «социального лифта» в клиент-патронских отношениях, по всей видимости, постепенно сходил на нет.

Позднее при содействии Панина Золотницкий входит в комиссию «о разводе татар» или «о татарской неготиации» 1771–1772 гг. [РГАДА. Ф.286. Оп.1. Д.732. Л.452; ЧОИДР:

12]. Судя по всему, именно за успехи в работе этой комиссии в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. «по Именному ЕЯ императорского величества высочайшему повелению» Золотницкий произведен в премьер-майоры в октябре 1772 г. В 1780 г. он переходит на гражданскую службу с повышением в чине до коллежского советника – шестого в Табели о рангах. На этом этапе он остается автором философских рассуждений о бессмертии души, но, похоже, отходит от занятий литературной деятельностью под патронатом вельмож.

В 1787 г. Золотницкий был награжден орденом Св. Владимира IV степени, а затем вместе с женой У.И. Тройницкой и детьми внесен в дворянскую родословную книгу Екатеринославской губернии [Заруба: 161]. Он был женат дважды, к моменту издания последнего сочинения имея одиннадцать детей. Его сыновья по окончании кадетского корпуса поступили на военную службу.

С момента, как карьера и жизнь Золотницкого были налажены, то есть в период 1769–1796 гг., было опубликовано два сочинения: «Доказательство бессмертия...» и «Наставление сыну». Мы предполагаем, что свою роль здесь мог сыграть отход от дел его главного покровителя П.И. Панина [Ransel: 199] и ослабление влияния его брата Никиты Ивановича в 1770-е гг. [Фонвизин: 355]. Не исключено, что Золотницкий стремился сознательно удалиться от придворной борьбы,

сохраняя приобретенное пером положение. «В свободное хоть и редкое от должности время» [Золотницкий, 1796: 31] он создал свой последний текст, завещая его сыну как пособие для «образования души».

Реляционная педагогика Золотницкого: от этикетных кодексов к моделированию отношения

В творчестве Золотницкого, раз за разом использующего письменные формы для артикуляции современного порядка, прослеживается постепенное смещение от описания должного общественного устройства в образах и назидательных картинах к реляционной педагогике. На смену высказыванию в риторически отточенной форме виршей, басен, исторических картин и мифов, имевшей место в текстах 1760-х гг., тридцать лет спустя приходит речь от первого лица и моделирование «я» читателя.

Истоки жанра отеческого наставления в русской литературе Г. Гамбург находит в духовной Владимира Мономаха, адресованной сыновьям и датированной началом XII в. Получение в христианских добродетелях здесь строится на анализе автобиографических событий и переживаний души. В Новое время одним из первых высказываний в жанре наставления стало «Завещание отеческое сыну» (ок. 1708, изд. 1793) И.Т. Посошкова (ок. 1652–1726), купца и самобытного мыслителя петровской эпохи. Обращаясь к сыну,

командированному для получения образования в Европу, Посошков излагает три должности, составляя распорядок дня и давая советы денежной экономии.

Текст «Наставления» – сравнительно небольшого сочинения на 44 страницы с предисловием «к Юношеству» – разбит на четыре раздела соответственно обязанностям читателя: к творцу, самодержавной власти, ближнему и самому себе. Как подчеркивает автор, этот текст от всех прочих отличает свободная форма изложения и отсутствие «образцовых положений»: «Сие есть в форме разговора о том, что встретилось. Какое стечение мыслей!» [Там же: 39–40].

Три из четырех должностей Золотницкого совпадают с инстанциями Посошкова, однако жанровым образцом выступает трактат Цицерона “De officiis” (в русском переводе Б. Волкова «О должностях») – текст, с которого началось обучение Золотницкого в Московском университете. Трактат, созданный в период ослабления республиканских начал в Риме, был адресован сыну, которому Цицерон предлагает в соответствии со стоическими принципами возделывать себя путем участия в политической жизни республики [Брагова: 46].

Помимо Цицерона, Золотницкий ссылался на «Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения», подготовленный Екатериной II и изданный 30 июля 1767 г. в качестве руководства для депутатов в их

работе над новым сводом законов [Наказ: 10]. Первым пунктом в «Наказе», регулирующим социальный порядок, был «Закон Христианский», который «научает нас взаимно делать друг другу добро, сколько возможно» [Наказ: 338].

Поощрению обывателя к «исполнению должностей, налагаемых общественной пользой», посвящена брошюра И.П. Тургенева «Кто может быть добрым гражданином и верным подданным?» [Тургенев: 3], вышедшая в год, когда Золотницкий завершил свое «Наставление». Перебирая разные варианты, автор заключает, что единственно эффективными «побудительными причинами» следования своим общественным обязанностям, является «страх быть наказанным от Бога», с одной стороны, и вознаграждение бессмертием, с другой [Там же: 15]. «Страх Божий», выступающий одним из главных моральных регуляторов в воспитательном плане сподвижника Екатерины II И.И. Бецкого, был включен императрицей в «Наказ» [Наказ: 430]. В российской политической риторике Нового времени долг служения Богу становился аргументом в пользу подчинения мирской власти и своеобразным «государственным налогом», взимаемым в форме сословной обязанности или должности [Маслов: 231–233].

Вопрос об активном действии во благо общества или добродетели затрагивался Золотницким в приложении «О исполне-

нии своего назначения, или о последовании Богу» к одному из поздних сочинений «Рассуждение о бессмертии человеческой души» (1768). Автор видит интерперсональное значение добродетели, реализующейся в социальном взаимодействии, в том, чтобы «созидать других состояние, и один бы другого своим почтительным примером побуждал к беспорочному поведению» [Золотницкий, 1768b: 31]. Активное начало субъекта здесь проявляется и реализуется через *отношение*, реализуемое через осознанное, освоенное и разделяемое с окружающими исполнение индивидом предписанных ему должностей.

Впервые Золотницкий изложил список должностей в сборнике рассуждений и басен «Состояние человеческой жизни...»: «Первая к высочайшему существу, вторая к самому себе, третья к ближнему» [Золотницкий, 1763: 29]. Коль скоро высочайшее существо одаривает человека «разумом, душой и бессмертием» [Там же: 29], этот дар обязывает к заботе о себе, к тому, чтобы «сохранять, защищать и в лучшее совершенство» себя производить [Там же: 30]. Тогда как жизнь среди людей направляет к тому, чтобы «почитать общество и любить ближнего» в качестве залога взаимовыгодного общежития [Там же: 30]. Год спустя в «Сокращении естественно-го права» Золотницкий детализировал три должности к самому себе, усмотрев их в рассуждении души, тела и наружного состояния [Золотницкий, 1764: 25].

Несколько иную трактовку гражданских обязанностей Золотницкий изложил в проекте системы народного просвещения, разработанном для Уложенной комиссии. Задачи общего воспитания, противопоставляемого воспитанию сословному, он видел в том, чтобы «влиять в подданных добрые нравы, вкоренить истинное богопочитание, впечатлеть верность к Государю, сделать послушными к своим властям и, наконец, возжечь в них любовь к ближнему» [Материалы по истории: 178]. Обязанность человека к себе здесь отсутствует, а «добрые нравы» предшествуют обязанности к богу. Можно предположить, что должность «заботы о себе» предписывалась узкому кругу просвещенных читателей.

В «Наставлении сыну» Золотницкий по нисходящей перечисляет четыре должности, исполнение которых делает человека субъектом отношений к Творцу, к Самодержавной Власти, к ближнему и к самому себе [Золотницкий, 1796: 7]. Каждой должности соответствует надлежащее поведение, практикуя которое, читатель созидает душу в «ее совершенстве», делая себя достойным как «Божьего промысла», так и «благоволения» монарха.

Первая по значимости обязанность по отношению «к Творцу» реализуется в следовании законам, «Естественному и Откровенному», данным Богом [Золотницкий, 1796: 9]. Знакомя читателя с естественным законом, Золотницкий ссылается на компендиум «Сокращение естественного права», а с обязан-

ностями – на приложение к «Рассуждению о бессмертии человеческой души». Должность к «самодержавной власти» актуализирует секулярное политическое отношение подданного и его подчинение мирской власти [Золотницкий, 1796: 15].

Раскрывая содержание обязанности в отношении ближнего, автор пишет о необходимости попечения о благополучии ближнего вне зависимости от его социального положения. Здесь он апеллирует к гуманистическому тезису, сформулированному в «Наказе»: «Человек, кто бы он ни был, <...> все есть человек» [Наказ: 476]. В трактовке Золотницкого эта формула со ссылкой на Екатерину звучит так: «Не достигшие почестей, скудные и не развязанные в понятиях своих суть так же люди. Божественная мысль Величайшей и Уважаемой в свете Законодательницы!» [Золотницкий, 1796: 18]. Ранее автор уже ссылался на этот пассаж в предисловии ко второй части «Истории разных героинь и других славных жен» [Золотницкий, 1768a: V], однако ему важно возвратиться к авторитетному источнику.

Наконец, исполнение должности к самому себе (душе, разуму, телу) подвергается в «Наставлении» наиболее тщательной дискурсивной проработке. Золотницкий формулирует сразу 11 правил, предназначенных для того, чтобы «образовать душу» читателя, приобщить его к «источникам Просвещения», открывающим «могущество Величайшего

Сотворителя» и приводящим к «богопочитанию» [Золотницкий, 1796: 27, 42].

Излишняя автономия здесь не одобряется: те, кто «всю жизнь свою препровождая собственно для себя, суть не действительными и как бы отделившимися членами тела общества» становятся [Там же: 39]. Тогда как прилежное исполнение должностей обеспечивает встраивание подданного и гражданина в социально одобряемую систему отношений, скроенную по мерке европейской монархии или же, выражаясь на правовом языке, «в одно политическое тело и под одну главу» [Золотницкий, 1768а: V]. Приватная реляционная педагогика Золотницкого, таким образом, остается политической технологией производства индивида. Однако нельзя не заметить, что сумма жизненного и литературного опыта автора «Наставления сыну» сообщает читателю принципы организации его «я» в качестве субъекта отношений, вывода, тем самым, и жизнь, и индивида, и письменное наследие за пределы прагматических рамок построения карьеры.

Заключение: долгий след отношения

Несмотря на то, что наставление Золотницкого, адресованное сыну, было посланием адресным и семейным, автор принял решение о его публикации, тем самым, соотнося свой текст с имеющимся в Российской империи запросом на этот дискурсивный жанр. Со времен Петра I, который перевел

администрирование в план письма и сделал немало для рационализации российской жизни, правительство было заинтересовано в появлении руководств, регламентирующих общественное, политическое, бытовое поведение, превращающих подданных в граждан. Через образование, практики письма и чтения их подготавливали к осознанному исполнению предписаний без физического принуждения [Федюкин: 11]. И если поначалу монополия в решении вопроса о том, кто может быть добрым гражданином и верным подданным, принадлежала правительству, то к концу XVIII столетия об этом размышляло поколение отцов будущих декабристов [Каплун: 152; Osprovat: 132]. В этом свете, как мы полагаем, следует рассматривать реляционную педагогику Золотницкого.

Мы не располагаем сведениями о том, как сложилась жизнь сыновей Золотницкого, повлияло ли «Наставление» на их нравственное формирование, в каких отношениях они состояли с теми, кто вышел на Сенатскую площадь. Другое дело, что история педагогических инициатив Золотницкого-старшего имела неожиданный постскрипtum.

В 1806 г. в Екатеринославе на условиях анонимности была издана и поставлена на сцене местного театра короткая пьеса для детей «Осмеянное чародейство». На форзаце карандашом кто-то надписал, буквально поставив его под вопрос, имя автора пьесы – «Владимир Золотницкий». С узнавае-

мой риторикой и интонацией в предисловии к сценическому произведению разъяснялось его воспитательное значение: «Пьесы... изображая общественные связи и соотношения должностей, оставляют в памяти детей сильное впечатление» [Осмеянное чародейство: 5]. Примечательно, что адресатом пьесы была помещица О.К. Струкова (1776-1836) – местная «Салтычиха», печально известная жестоким обращением с крепостными. Это обстоятельство оставляет открытым ответ на вопрос о качестве и результативности моральной педагогики вообще и трудов Золотницкого в частности. Впрочем, как замечает один из героев пьесы, «быть добрыми и любезными» – это предмет выбора и ответственности каждого.

Полтора столетия спустя реляционная формула Золотницкого, позволяющая в акте письма конвертировать обязанности подданного (должности) в собственные отношения гражданина, образующие его душу, неожиданно оказалась в резонансе с психологией отношений Владимира Мясищева. Известный ленинградский психиатр и медицинский психолог настаивал на том, что отношения – или же «индивидуальные, избирательные, сознательные связи» человека с окружающей действительностью [Мясищев: 15] – куда в большей степени раскрывают личность в ее специфичности, чем «характер, темперамент, способности». Признавая обусловленность отношений социальным бытием, Мясищев выделял в них четыре базовых модальности: отношение

к себе, другому, труду и миру. Принято считать, что у реляционной трактовки личности были марксистские корни. Однако случай Золотницкого позволяет думать, что эта генеалогия могла быть значительно сложнее, а реестр приоритетных отношений – не суть, к богу, власти, труду или миру – выступает конкретно-историческим оператором связности внешней и внутренней реальности, человека и общества.

Завершая текст, мы возвращаемся к классике конструирования морального субъекта в Новое время. Норберт Элиас – автор, внимательный к культурным технологиям перевода предписаний в поведенческие фигурации в процессе воспитания, описывает его результат – возникновение «аппарата привычек, способов действия и взаимоотношения с другими людьми» – как «сеть отношений» [Элиас, 2001б: 251]. Что выпало из сети Элиаса, но возвращено в нее нами в ходе анализа опыта Золотницкого, так это письмо.

Литература

Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии (1721–1795 гг.) / введ. Н.И. Петрова. Киев: тип. И.И. Чоколова, 1905.

Аскоченский, В.И. Киев с древнейшим его училищем Академиею: в 2-х ч. Ч. 2. Киев: Унив. тип., 1856.

Брагова, А.М. Интерпретация Цицероном стоических понятий *honestum*, *virtus*, *officium* // СХОЛА. Т. 5. 2011. № 1. С. 42–52.

Дзюба, О.М. Приватне життя козацької старшини XVIII ст. (на матеріалах епістолярної спадщини) / Відп. ред. В.А. Смолій. Київ: Інститут історії України, 2012. С. 51–54.

Динерштейн, Е.А. Российское книгоиздание (конец XVIII – XX в.): избр. ст. М.: Наука, 2004.

Живов, В.М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 24–83.

Заруба, В.Н. Родословник екатеринославских дворян. Днепр: Лира, 2017.

Золотницкий, В.Т. Состояние человеческой жизни, заключенное в некоторых нравоучительных примечаниях, касающихся до натуральных человеческих склонностей / сочинены в пользу общества Владимиром Золотницким. В Санктпетербурге: при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1763.

Золотницкий, В.Т. История разных героинь и других славных жен / Сочиненная Лудовиком Голбергом, Которую на российской язык перевел с прибавлением от себя предисловия и на некоторыя места примечаний Владимир Золотницкой. СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1768а.

Золотницкий, В.Т. Общество разнovidных лиц, или Разсуждение о действиях и нравах человеческих. СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1766.

Золотницкий, В.Т. Разсуждение о безсмертии человеческой души. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1768b.

Золотницкий, В.Т. Сокращение естественнаго права. СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1764.

Золотницкий, В.Т. Наставление сыну. Екатеринослав: Екатеринославская типография, 1796.

Императорский Московский университет, 1755–1917: энциклопедический словарь / сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010.

Калугин, Д.Я. Проза жизни: русские биографии в XVIII–XIX вв. СПб.: Изд-во ЕУ в СПб, 2015.

Каплун, В.Л. Свобода в раннем российском республиканизме: гражданский республиканизм в России и европейская республиканская традиция Нового времени // Что такое республиканская традиция / под ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во ЕУ в СПб., 2009. С. 131–152.

Кочеткова, Н.Д. Литературные посвящения в русских изданиях XVIII – начала XX века // XVIII век. Т. 22. СПб.: Наука, 2002. С. 66–84.

Лепехин, М.П. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова // XVIII век. Сб.16. Л.: Изд-во АН СССР, 1989. С. 234–250.

Лукашова, С.С. Языковая среда в Киево-Могилянській академії // Славянський альманах. 2017. №3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-sreda-v-kievomogilyanskoy-akademii-v-xviii-v> (дата обращения: 25.11.2023).

Маслов, Б.П. От долгов христианина к гражданскому долгу // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / под ред. В.М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 201–270.

Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX веках / сост. С.В. Рождественский. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1910.

Мясищев, В.Н. Психология отношений: избранные психологические труды / под ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2011.

Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения Екатерины II: первоначальный конспект, источники, переводы, тексты / изд. Н.Ю. Плавинской. М.: Памятники исторической мысли, 2018.

Осмеянное чародейство: детская комедия в одном действии. Екатеринослав: Тип. Приказа Общественного Призрения, 1806.

Осповат, К.А. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: НЛО, 2020.

Рак, В.Д. Статьи о литературе XVIII века. СПб.: Пушкинский дом, 2008.

РГАДА. ФФ. 286, 342, 1274.

Сахаров, В.И. Миф о золотом веке в русской масонской литературе XVIII столетия // Вопросы литературы. № 6. 2000. С. 149–164.

Скоробогатов, А.В. Никита Иванович Панин: личность и власть в политическом дискурсе России XVIII в. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2005. М.: Экон-Информ, 2006. Вып. 3. С. 65–85.

Тургенев, И.П. Кто может быть добрым гражданином и верным подданным? М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1798.

Федюкин, И.И. Введение // «Регулярная академия учреждена будет...» // Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавриновича. М.: Новое издательство, 2015. С. 9–12.

Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы: 1862–1863: Кн. 1 и 2. СПб.: И.Л. Тулузов, 1884.

Фонвизин, Д.И. Собрание сочинений: В 2 т. Сост. Г.П. Макогоненко. Т. 2. М.; Л.: Гослитиздат, 1959.

IP НБУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6387; 6390; 6391; 6391; 6393.

Цицерон, М.Т. Марка Туллия Цицерона Три книги о должностях / Переведены Академии наук переводчиком Борисом Волковым. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1761.

Шкуратов, В.А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997.

Штранге, М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М.: Наука, 1965.

Элиас, Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 тт. Т. 1. М.; СПб.: Университетская книга, 2001а.

Элиас, Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 тт. Т. 2. М.; СПб.: Университетская книга, 2001b.

Chartier, R. (1996). L'homme de lettres. In M. Vovelle (Ed.), *L'homme des Lumières*. Paris: Éd. du Seuil, 159–209.

Gleason, W.J. (1981). *Moral idealists, bureaucracy, and Catherine the Great*. New Jersey: Rutgers University Press.

Nicolet, M. (1963). La condition de l'homme de lettres au XVIIe Siècle à travers l'oeuvre de deux contemporains: Ch. Sorel et A. Furetière. *Revue d'Histoire littéraire de la France*, 3, 369–393.

Ospovat, K.A. (2020). Reforming subjects: poetics and politics of reading in early eighteenth-century Russia. In D. Rebecchini, & R. Vassena (Eds.), *Reading Russia: a history of reading in Modern Russia (Vol.1)*. Milano: Ledizioni, 117–150.

Raeff, M. *The origins of the Russian intelligentsia: the eighteenth-century nobility*. New York: Harcourt, Brace & World, 1966.

Ransel, D.L. (1975). *The politics of Catherinian Russia: the Panin party*. London: Yale University Press.

References

Askochenskiy, V.I. (1856). *Kiyev s drevneyshim ego uchilishchem Akademiyeyu* [Kiev and its oldest academy]. Kiyev: Universitetskaya tipografiya.

Bragova, A.M. (2011). Interpretatsiya Tsitseironom stoicheskikh ponyatiy honestum, virtus, officium [Cicero's interpretation of the Stoic terms honestum, virtus, officium]. *SKhOLA*, 5, 1, 42–52.

Cicero, M.T. (1761). *Tri knigi o dolzhnostyakh* [De officiis] (B. Volkov, Trans.). St. Petersburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk.

Chartier, R. (1996). L'homme de lettre [The man of letters]. In M. Vovelle (Ed.), *L'homme des Lumières* [The man of Enlightenment]. Paris: Éd. du Seuil, 159–209.

Dinershteyn, E.A. (2004). *Rossiyskoye knigoizdaniye (konets XVIII – XX v.)* [Russian book publishing (late 18th – 20th centuries)]. Moscow: Nauka.

Dzyuba, O.M. (2012). *Privatne zhittya kozats'koï starshini XVIII st. (na materialakh epistol'yarnoi spadshchini)* [Private life of the Cossack foreman in the 18th century (based on the epistolary heritage)]. Kiyev: Institut istorii Ukraïni, 51–54.

Elias, N. (2001a). *The civilizing process: socio-genetic and psychogenetic investigations* (Vol. 1). Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

Elias, N. (2001b). *The civilizing process: socio-genetic and psychogenetic investigations* (Vol. 2). Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

Fedyukin, I.I. (2015). Vvedeniye [Introduction]. In I.I. Fedykin, & M.B. Lavrinovisc (Eds.), *“Regulyarnaya akademiya uchrezhdена budet...”: obrazovatel'nyye proyekty v Rossii v pervoy polovine XVIII veka*. [“The Regular Academy will

be established...”: educational projects in Russia in the 1st half of the 18th century]. Moscow: Novoye izdatelstvo, 9–12.

Filaret (Gumilevskiy). (1884). *Obzor russkoy dukhovnoy literatury: 862–1863* [Review of Russian spiritual literature: 862–1863]. St. Petersburg: I.L. Tuluzov.

Fonvizin, D.I. (1959). *Sobraniye sochineniy* [Collected works] (Vol. 2). Moscow; Leningrad: Goslitizdat.

Gleason, W.J. (1981). *Moral idealists, bureaucracy, and Catherine the Great*. New Jersey: Rutgers University Press.

IR NBU. F. 2. Op. 1. D. 6387.

Kalugin, D.Ya. (2015). *Proza zhizni: russkiye biografii v XVIII-XIX vv.* [Prose of life: Russian biographies in the 18th-19th centuries]. St. Petersburg: European University Publ.

Kaplun, V.L. (2009). Svoboda v rannem rossiyskom respublikanizme: grazhdanskiy respublikanizm v Rossii i evropeyskaya respublikanskaya traditsiya Novogo vremeni [Freedom in early Russian republicanism: civil republicanism in Russia and the European republican tradition of modern times]. In O. Kharkhordin (Ed.), *Chto takoye respublikanskaya traditsiya* [What is the republican tradition]. St. Petersburg: European University Publ., 131–152.

Kochetkova, N.D. (2002). Literaturnyye posvyashcheniya v russkikh izdaniyakh XVIII – nachala XX veka [Literary dedications in Russian editions of the 18th–early 20th century]. *XVIII vek* [18th century]. St. Petersburg: Nauka, 22, 66–84.

Lepekhin, M.P. (1989). «Opyt istoricheskogo slovarya o rossiyskikh pisatelyakh» N.I. Novikova (Nekotoryye problemy izucheniya) [“The experience of the Russian writers’ historical dictionary” by N.I. Novikov (Some issues)]. *XVIII vek* [18th century]. Leningrad: AN SSSR, 16, 234–250.

Lukashova, S.S. (2017). Yazykovaya sreda v Kiyev–Mogilyanskoy akademii [Language milieu of Kiyev–Mogyla Academy]. *Slavyanskiy Al'manakh* [Slavic Almanac], 3–4, 241–258. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-sreda-v-kievo-mogilyanskoy-akademii-v-xviii-v> (date of access: 25.11.2023).

Maslov, B.P. (2009). Ot dolgov khristianina k grazhdanskomu dolgu (ocherk istorii kontseptual'noy metafory) [From Christian debt to civic duty: an essay on the history of conceptual metaphor]. In V.M. Zhivov (Ed.), *Ocherki istoricheskoy semantiki russkogo yazyka rannego novogo vremeni* [Essays on the Russian language historical semantics in early modern times]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 201–270.

Myasishchev, V.N., & Bodalev, A.A. (2011). *Psikhologiya otnosheniy: izbrannyye psikhologicheskiye trudy* [Relationship psychology: selected psychological works]. Moscow: Moscow Psychology and Sociology Institute Publ.; Voronezh: MODEK.

Nicolet, M. (1963). La condition de l'homme de lettres au XVIIe Siècle à travers l'oeuvre de deux contemporains: Ch. Sorel et A. Furetière [The condition of the man of letters in the XVIIth century through the work of two contemporaries: Ch.

Sorel and A. Furetière]. *Revue d'Histoire littéraire de la France* [Journal of Literary History of France], 3, 369–393.

Osmeyannoye charodeystvo: detskaya komediya v odnom deystvii [Mocked witchcraft: a one act children's comedy]. (1806). Ekaterinoslav: Tipografiya Prikaza Obshchestvennogo Prizreniya.

Ospovat, K.A. (2020). *Pridvornaya slovesnost': institut literatury i konstruktii absolyutizma v Rossii sere diny XVIII veka* [Court literature: the literature institute and construction of absolutism in Russia in the middle of the 18th century]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye.

Ospovat, K.A. (2020). Reforming subjects: poetics and politics of reading in early eighteenth-century Russia. In D. Rebecchini, & R. Vassena (Eds.), *Reading Russia: a history of reading in Modern Russia* (Vol.1). Milano: Ledizioni, 117–150.

Petrov, N.I. (Ed.). (1905). *Akty i dokumenty, ot nosyashchiyesya k istorii Kiyevskoy Akademii: Otd. 2 (1721–1795 gg.)* [Acts and documents on the history of the Kiev Academy: part two (1721–1795)]. Kiyev: tipografiya I.I. Chokolova.

Plavinskaya, N.Yu. (Ed.). (2018). *Nakaz Komisii o sochinenii proyekta novogo ulozheniya Ekateriny II = Instruction pour la Commission chargée de dresser le projet d'un nouveau code de lois de Catherine II: pervonachal'nyy konspekt Nakaza, istochniki, perevody, teksty* [Instruction for the Commission responsible for drawing up the draft of a new code of laws of Catherine II: the initial plan of the Instruction, sources, translations, texts]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Raeff, M. (1966). *The origins of the Russian intelligentsia: the eighteenth-century nobility*. New York: Harcourt, Brace & World.

Ransel, D.L. (1975). *The politics of Catherinian Russia: the Panin party*. London: Yale University Press.

Rak, V.D. (2008). *Stat'i o literature XVIII veka* [The articles on the 18th century literature]. St. Petersburg: Pushkinskiy dom.

RGADA. F. 199, 286, 342, 1274.

Rozhdestvenskiy, S.V., Solomin, V.G., & Todorskiy, P.P. (Eds.). (1910). *Materialy dlya istorii uchebnykh reform v Rossii v XVIII-XIX vekakh* [Documents on the history of educational reforms in Russia in the 18th–19th centuries]. St. Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”.

Sakharov, V.I. (2000). Mif o zolotom veke v russkoy masonskoy literature XVIII stoletiya [The Golden Age myth in the Russian Masonic literature of the 18th century]. *Voprosy Literatury* [Literature Issues]. Moscow, 6, 149–164.

Skorobogatov, A.V. (2006). Nikita Ivanovich Panin: lichnost' i vlast' v politicheskom diskurse Rossii XVIII v. [Nikita Ivanovich Panin: person and power in Russian political discourse in the 18th century]. *Ezhegodnik Istoriko-Antropologicheskikh Issledovaniy* [Annual Book of Historical and Anthropological Research]. Moscow: Ekon-Inform, 3, 65–85.

Shtrange, M.M. (1965). *Demokraticeskaya intelligentsiya Rossii v XVIII veke*. [The democratic intelligentsia in 18th century Russia]. Moscow: Nauka.

Shkuratov, V.A. (1997). *Istoricheskaya psikhologiya* [Historical psychology]. Moscow: Smysl.

Turgenev, I.P. (1798). *Kto mozhet byt' dobrym grazhdaninom i vernym poddannym?* [Who can be a good citizen and a loyal subject?]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, u Ridigera i Klaudiya.

Zaruba, V.N. (2017). *Rodoslovnik ekaterinoslavskikh dvoryan* [Pedigree of the Yekaterinoslav nobles]. Dnepr: Lira.

Zhivov, V.M. (1997). Pervyye russkiye literaturnyye biografii kak sotsial'noye yavleniye: Trediakovskiy, Lomonosov, Sumarokov [The first Russian literary biographies as a social phenomenon: Trediakovsky, Lomonosov, Sumarokov]. *Novoye Literaturnoye Obozreniye* [New Literary Review], 25, 24–83.

Zolotnitskiy, V.T. (1763). *Sostoyaniye chelovecheskoy zhizni* [Human life condition]. St. Petersburg: Pri Sukhoput. shlyakhet. kadet. korpuse.

Zolotnitskiy, V.T. (1764). *Sokrashcheniye estestvennago prava* [Compendium of natural law]. St. Petersburg: Tipografiya Sukhoput. kadet. korpuse.

Zolotnitskiy, V.T. (1768a). *Istoriya raznykh geroin' i drugikh slavnnykh zhen* [A comparative history of famous women]. St. Petersburg: Tipografiya Sukhoput. kadet. korpuse.

Zolotnitskiy, V.T. (1766). *Obshchestvo raznovidnykh lic, ili Razsuzhdeniye o dejstviyakh i nrvakh chelovecheskih* [The society of various persons, or Reasoning about human actions and mores]. St. Petersburg: Tipografiya Sukhoput. kadet. korpuse.

Zolotnitskiy, V.T. (1768b). *Razsuzhdeniye o bezsmertii chelovecheskoy dushi*. [Reasoning about the immortality of the human soul]. St. Petersburg: Pri Imp. Akad. nauk.

Zolotnitskiy, V.T. (1796). *Nastavleniye synu* [Instruction to the son]. Ekaterinoslav: Ekaterinoslavskaya tipografiya.

Для цитирования: Агапова, А.А. Порядочное и настоящее одного к другому отношение: реляционная педагогика и моделирование морального субъекта в письменном наследии Владимира Золотницкого // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 4. С. 116–137. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-4-116-137

For citation: Agapova, A.A. (2023). The Decent and real attitude of one to the other: relation pedagogy and modeling of moral subject in written legacy of Vladimir Zolotnitskiy. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (4), 116–137. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-4-116-137

THE DECENT AND REAL ATTITUDE OF ONE TO THE OTHER: RELATION PEDAGOGY AND MODELING OF MORAL SUBJECT IN WRITTEN LEGACY OF VLADIMIR ZOLOTNITSKY

Anna A. Agapova, PhD Student, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia); e-mail: aagapova@hse.ru

Abstract. The biography of Vladimir Trofimovich Zolotnitsky (1743–1799) is considered as an example of the successful implementation of a hybrid career strategy of a man of letters in public service during the Catherine II reign. Zolotnitsky is characterized in the specifics of his biographical and cultural affiliation to the cultural type of *l’homme de lettres*, a person who achieved fame in the literary field and used the art of writing as an instrument of social promotion when the institute of literature was under formation. In writing practices of Zolotnitsky and other writers of XVIII century (their dynamics, addressing, timing, choice of genres and themes, publication, recognition, conversion into reputation) a special role was attributed to an influential patron. Zolotnitsky’s biography reveals not only the connection between the publication of a literary opus dedicated to the patron and the promotion of a gifted official through the ranks, but also the presence of writing on philosophical and psychological topics freed from any polite references. Zolotnitsky wrote about twenty works and made translations, which share the themes of educating and modeling a moral personality in accordance with the duties (positions) of a citizen. Special attention is paid to Zolotnitsky’s last lifetime work in the genre of moral pedagogy, in which the author accumulates his literary experience, informs the reader of the constructive principles of his ‘self’ as a subject of relations and, finally, takes the work of writing beyond the framework of his social promotion.

Key words: V.T. Zolotnitsky, biography, *l’homme de lettres* writing, position, attitude, relational pedagogy, moral subject, personality, Enlightenment

